

О.В. Ауров

«GLADIO VINDICE LEUUIGILDI»¹:
КОРОЛЬ-РЕФОРМАТОР ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАМЯТИ

В статье делается попытка решения проблемы реконструкции биографии раннесредневекового испанского политика – правителя Толедского королевства Леовигильда (568–586). Задача осложняется наличием многочисленных пластов исторической памяти: в хронистике VII–XIII вв. присутствуют разные трактовки его образа. Современники короля (Иоанн Бикларский, Исидор Севильский, Григорий Турский, Псевдо-Фредегар и другие) давали неоднозначный образ правителя, причем в их оценках превалировало осуждение религиозной политики Леовигильда. Однако сопоставление конкретных текстов показывает, что король отнюдь не был религиозным фанатиком и что такая трактовка – дело рук ортодоксального клира, главного создателя исторической памяти в государстве вестготов. При ближайшем рассмотрении Леовигильд оказывается подлинным королем-реформатором, заслуги которого были в значительной степени приписаны его сыну и преемнику Реккареду Католику.

Ключевые слова: Толедское королевство, Леовигильд, арианство, ортодоксальное христианство, готы, франки, анти-Византия.

Научная биография переживает ныне явный подъем. Он объясняется как растущим читательским интересом к «персонализированной» истории, так и глубокими изменениями в характере самого этого жанра. В немалой степени последние связаны с именем Ж. Ле Гоффа², который одним из первых существенно расширил рамки биографии, связав ее с феноменом истории памяти. Более того, в процессе своего исследования видный французский медиевист прямо поставил вопрос о том, способен ли исследователь Средневековья приблизиться к пониманию индивидуальных особенностей избранного персонажа, или он обречен

оставаться вечным пленником идеального облика, сознательно сформированного агиографами и хронистами³.

Скептически отзываясь о «раздражающей привычке» историков «усматривать в многочисленных исторических периодах появление или становление индивидуума»⁴, Ж. Ле Гофф тем не менее пускается в пространное рассуждение, в конечном итоге присоединяясь к точке зрения К. Байнума, согласно которой, с весьма значительными оговорками, переломными в этом отношении следует считать XII–XIII вв., с которыми связано начало расцвета автобиографии, «интериоризация нравственной жизни» и «трансформации интеллектуальных методов», благодаря чему «“авторитеты” уступили место “доводам” и мутациям эмоциональности и духовности, особенно ощутимым в сфере любви и смерти»⁵.

Тем не менее и после выхода книги Ж. Ле Гоффа остается неясным, как следует поступать, если персонаж биографии жил в эпоху Раннего Средневековья, для которой характерна относительная немногочисленность и чрезмерная лапидарность письменных свидетельств (к тому же лишь в незначительной степени сохранившихся до нашего времени). На уровне общетеоретических рассуждений просто невозможно понять, способен ли историк нащупать какие-либо живые следы, оставленные его героем (пусть и зафиксированные не им лично и дошедшие до нас из вторых, а то и из третьих рук), или же он имеет дело лишь со всполохами искусственной памяти, чье соотношение с образом реального человека так и останется невыясненным.

Думаю, что единый ответ на этот вопрос не только невозможен, но и не нужен. Более того, я уверен, что сама его постановка – лишь свидетельство весьма ограниченной ценности абстрактных историко-теоретических рассуждений, не выдерживающих проверки конкретными текстами. Ниже на избранном мной примере – биографии короля вестготов Леовигильда (568–586) – я постараюсь показать, что использование вполне «традиционных» методов исторического исследования (опора на всю массу доступных свидетельств и их тщательное сопоставление при учете не только факта, но и конкретного характера субъективности их авторов) позволяет получить достаточно целостное впечатление как о самом персонаже, так и о ключевых особенностях проводимого им политического курса.

1. Вступительные замечания

К 568 г. – началу правления Леовигильда – Толедское королевство вестготов, преемник Тулузского королевства (416–506/7), включало в свой состав территорию Пиренейского полуострова

и прилегавшую к нему область Септиманию (бывшую римскую Нарбоннскую Галлию)⁶. К середине VI в. оно все еще так и не преодолело последствий поражения от франков в битве при Пуатье (506/507 г.), а затем – византийского завоевания остготской Италии, тесная связь с которой спасла вестготов от неминуемого завоевания Хлодвигом. Династия Балтов-Амалов прервалась: в 531 г. от рук все тех же франков пал Амаларих, единственный наследник погибшего при Пуатье Алариха II⁷. Бывший римский диоцез Испании, ставший ядром того, что осталось от некогда могущественного королевства Эвриха, сотрясали смуты и мятежи: влиятельные военачальники в опоре на свои войска спешили объявить себя королями. Никто из них не контролировал всех испанских земель, а сама их власть оставалась непрочной: перевороты следовали один за другим⁸.

На этом фоне приход к власти Леовигильда знаменовал собой резкое изменение политической ситуации: на смену анархии быстро пришел порядок, а череда сплошных поражений от франков и высадившихся на полуострове византийцев сменилась военными победами.

2. Леовигильд в «Готской истории» Родриго Толедского

Выдающаяся роль Леовигильда как короля-воителя была признана уже современниками и сохранялась в исторической памяти многие столетия спустя после смерти вестготского короля. В частности, в середине XIII в., когда «быстрая реконкиста» королей Фернандо III Святого (1217–1252) и Альфонсо X Мудрого (1252–1284) почти мгновенно превратила небольшое королевство Кастилия в одно из наиболее могущественных государств своего времени, хронист Родриго Хименес де Рада (ок. 1170–1247) с восхищением отзывался о вестготском монархе: «Славный своим мужеством и победами, он подчинил многие народы»⁹. В быстрых победах Леовигильда, «решившего расширить свое королевство военным путем», хронист ощущал параллели современным ему великим победам над маврами: именно поэтому с таким восторгом перечисляются завоевания вестготского короля, который «значительно расширил Испанию, ибо прежде народ готов сжимала теснота границ»¹⁰. В этой оценке Р. Хименес де Рада предвосхищал столь же восторженные отзывы о победах Леовигильда, которые давали ему хронисты и последующего периода, писавшие на старокастильском языке¹¹.

Однако тональность повествования резко меняется, когда речь заходит о вероисповедании вестготского короля. «Однако грех нечестия затмил в нем славу таковых заслуг», – пишет толедский

архиепископ, и добавляет характеристику, окончательно перечеркивающую все то позитивное, о чем писал выше: «Был он преисполнен безумием арианской ереси». После чего перед читателем предстает уже совсем другой Леовигильд. Прежде всего – это «нечестивый сыноубийца», жестоко подавивший восстание, поднятое его старшим сыном, Герменегильдом, осмелившимся поднять восстание против отца из-за своего нежелания следовать отцовским «гнусным ритуалам»¹²; непримиримый фанатик, дерзнувший переkreщивать католиков, направивший в изгнание «святейших епископов» – Леандра Севильского и Масону Меридского, не жалевший даже своих единоверцев, которых, невзирая на их знатность и могущество, подвергал отсечению головы и конфискации имущества¹³.

Эти однозначно негативные оценки в эмоциональном плане затмевают сказанное далее о Леовигильде как о государственном деятеле, который «наполнил фиск», защитив его от расхищения врагами, первым облачился в королевские одежды и воссел на престоле, основал город Рекополь, а также привел в порядок, исправил и дополнил законодательство¹⁴. Лишь на смертном одре, страдая от тяжелой болезни, король как будто осознал пагубность своего поведения: он приказал своему сыну Реккареду возратить из изгнания Леандра Севильского и Фульгенция из Астиго, «знаменитых своими знаниями в церковном вероучении», и следовать им «как отцам»¹⁵.

Таким образом, рассказ хрониста, начатый как панегирик военным победам, по мере развития превратился в нравоучительное повествование о кающемся грешнике, причем индивидуальные особенности как бы стерлись под гнетом стандартных эпитетов («arianaе perfidie furore repletus», «parricida impius», «ausus» и др.) вплоть до игнорирования отдельных фактов биографии Леовигильда, хорошо известных из других источников¹⁶. Если сравнить этот рассказ с первоисточником – фрагментом «Истории готы, вандалов и свевов» Исидора Севильского (ок. 570–636)¹⁷, то окажется, что хронист XIII в., воспользовавшись материалом своего предшественника, сознательно «спрямил» острые углы, поместив сухое собрание разрозненных фактов раннесредневекового анналиста в прокрустово ложе стандартной фабулы.

Сведения о раскаянии Леовигильда почерпнуты Родриго Толедским из «Истории...» Григория Турского (современника вестготского короля), утверждавшего, что перед смертью Леовигильд даже принял ортодоксальное вероисповедание¹⁸, несмотря на противоположное свидетельство другого современника – папы Григория I Великого¹⁹. Еще менее ясно, пользовался ли Р. Хименес де Рада

текстом Григория Турского напрямую, или (что более вероятно) почерпнул соответствующую информацию из вторых или третьих рук. Тем не менее очевидно, что хронист XIII в. вовсе не стремился извратить правду: он лишь «творчески» использовал доступные ему сведения для придания им нравоучительного характера.

Отныне Леовигильду надлежало остаться в памяти потомков прежде всего раскаявшимся грешником: в конце концов чем, кроме воли христианского Бога, толедский епископ мог объяснить все его позитивные свершения? И (в продолжение предыдущего вопроса) могла ли эта помощь быть оказана закоренелому еретику? Можно предположить, что подобных умозаключений было вполне достаточно для человека XIII в. Однако для нас многое остается неясным.

Проблемы создают другие стереотипы – те, которые возникли много раньше времен Р. Хименеса де Рада. Прежде всего я имею в виду сообщение анонима, вошедшего в историю под именем Исидора Бежского, автора одного из наиболее известных продолжений хроники Исидора Севильского – так называемой «Мосарабской хроники 754 года». Для хрониста, писавшего по горячим следам мусульманского завоевания, имя Леовигильда ассоциируется исключительно с забытым чувством мира, безопасности и защищенности, в каковом блаженном состоянии оно пребывало «почти 140 лет»²⁰. На этом фоне события, связанные с вероисповеданием короля, казались не заслуживающими специального упоминания. Важным же было лишь то, что Леовигильд являлся миротворцем. И хотя эта оценка при ближайшем рассмотрении оказывается столь же лишенной индивидуальных черт, как и нравоучительное повествование Р. Хименеса де Рада, тем не менее сам факт ее наличия создает определенное пространство для толкований, заставляющее более тщательно проанализировать свидетельства современников.

При обращении к ним следует прежде всего оговорить два момента. Во-первых, – это относительное (разумеется, по масштабам эпохи) изобилие таковых. Период конца VI – первой половины VII в. был временем, когда сохранялась живая память о Леовигильде, еще не вытесненная полностью памятью искусственной²¹. На эти годы приходится создание основных сочинений Исидора Севильского (в том числе его «Хроники» и «Истории...»), анналов Иоанна Бикларского²², в значительной степени посвященных эпохе Леовигильда, а также ряда агиографических текстов, в числе которых и пространное анонимное «Жития святых Отцов меридских». Некоторую значимую информацию дают также неписанные источники, о которых специально будет сказано ниже.

Во-вторых, что представляется еще более важным, у нас есть возможность посмотреть на личность и эпоху Леовигильда с принципиально иной точки зрения, поскольку, как уже отмечалось, его современниками являлись знаменитый франкский историк Григорий Турский, неоднократно и достаточно подробно рассказывавший о событиях интересующего нас времени²³, а также Псевдо-Фредегар. Вместе они дают столь необходимый внешний взгляд на процессы, происходившие к югу от Пиренеев.

3. Характер короля: сквозь пласты памяти

Обращаясь к материалу источников, постараюсь прежде всего выяснить, столь ли однозначны свидетельства о жестокости характера Леовигильда, как может показаться на первый взгляд? С одной стороны, живший в непростое время Леовигильд, разумеется, не отличался мягкосердечием. В этом смысле негативные характеристики, присутствующие в «Житиях святых Отцов меридских», несомненно вызваны не только антипатией анонимного автора к королю-арианину, но и в какой-то мере воспроизводят устную традицию, еще доступную агиографу, писавшему в первой трети VII в. Он называет Леовигильда «свирепым и безжалостным», «жесточайшим» и «неблагочестивым» «тираном», «бешеным королем»²⁴. Все эти качества король проявляет по отношению к Масоне, епископу Мериды, вскоре после смерти причисленному к лику святых. В итоге (в противовес заявлениям как Григория Турского, так и Р. Хименеса де Рада) жестокая смерть тирана оказывается не чем иным, как заслуженной карой за многочисленные злодеяния²⁵.

Мы видим Леовигильда оказывающим грубое давление на Масону, которого он пытается склонить к принятию арианской ереси²⁶. Вместе с тем авторы других дошедших до нас свидетельств (даже Григорий Турский) не употребляют никаких негативных эпитетов для характеристики личности короля. Более того, в ряде случаев встречается обратное, а именно если даже и не откровенно позитивные, то несомненно уважительные характеристики. Так, в цикле меридских житий Леовигильд выступает не только как гонитель Масоны, но и как защитник аббата Нанкта²⁷, а в судебной тяжбе король и вовсе выносит решение в пользу невинно обвиненных ортодоксальных христиан²⁸. В «Житии св. Эмиллиана», написанном любимым учеником Исидора Севильского Браулионом Сарагосским во второй трети VII в., репрессии короля оказываются лишь Божьей карой, обрушившейся на противников святого²⁹.

Более того, некоторые из источников снимают с Леовигильда часть ответственности даже за репрессии по отношению к ортодок-

сальным христианам. Так, например, вопреки свидетельству Исидора Севильского франкские писатели Григорий Турский и Псевдо-Фредегар склонны возводить ответственность за преследования ортодоксальных христиан на вторую жену Леовигильда королеву Госвинту³⁰. В отличие от первой супруги короля – Теодозинды, дочери дукса Картахенской провинции Севериана³¹, от брака с которой родились сыновья Герменегильд и Реккаред и которую Леовигильд оставил (по другим сведениям она скончалась)³², вторая жена, вдова умершего Лиувы (573 г.), проявила недюжинные властолюбие и энергию, откровенные фанатизм и злость³³. Замечу, что в этих свидетельствах франкских хронистов можно было бы заподозрить чрезмерную ангажированность, если бы не аналогичные замечания явно антифранкски настроенного Иоанна Бикларского³⁴.

Таким образом, негативные эпитеты характера короля, употребленные автором жития Масоны, следует считать проявлением явной ангажированности. Даже ответственность за гонения на ортодоксальных христиан Леовигильд, как минимум, должен разделить с королевой Госвинтой.

4. «Жестокий сыноубийца»? (казус св. Герменегильда)

Как, однако, быть с жестоким подавлением восстания, поднятого Герменегильдом, старшим сыном короля? Не противоречит ли это наблюдениям, изложенным выше? Можно ли снять ответственность с того, кого Р. Хименес де Рада прямо именует «жестоким сыноубийцей»?

Присмотримся, однако, к этим событиям более внимательно. Восстание Герменегильда, с 572 г. управлявшего Севильей и всем югом полуострова, началось в 579 г.³⁵ Григорий Турский объясняет его прямым влиянием франкской принцессы Ингунды, сохранившей твердую верность ортодоксии. Поэтому ее муж принял повторное крещение, признал Никейский символ и принял имя Иоанн. После этого он отверг призыв отца к примирению и обратился за помощью к византийцам. Восстание быстро разрослось и охватило земли вплоть до Мерида, вскоре отвоеванной Леовигильдом. Затем последовала осада Севильи, где укрылся Герменегильд вместе со своими людьми и с византийцами. В то же время франки, оказывая помощь единоверцам и поддерживая дочь своего короля, вторглись в Нарбоннскую Галлию. Вскоре по тем же причинам на стороне Герменегильда выступил и свевский король Мирон: сын короля даже некоторое время скрывался от отца в свевской Галеции. В итоге восстание было жестоко подавлено, а его вождь пленен. Вскоре он был убит, Ингунда же вместе с мало-

летним сыном укрылась у византийцев и вместе с ними переправилась в Африку, где и умерла. Узнав об этом, ее дядя, король Бургундии Гунтрамн (561–592/93), вторгся в Септиманию, однако вторжение закончилось неудачей. Впрочем, войны с Леовигильдом продолжались до смерти вестготского короля, и лишь его преемнику Реккареду удалось заключить мир³⁶.

С картиной, представленной у Григория Турского, соотносятся и сообщения Фредегара. В его кратком рассказе также акцентируется роль Ингунды (которую он, правда, именует Седегундой) в обращении мужа, который стал истинным христианином и погиб от руки своего отца-еретика³⁷. Очевидно, что под влиянием этой же традиции находился и хронист XIII в. Р. Хименес де Рада.

Трактовка событий, однако, резко меняется, когда мы обращаемся к испанским хронистам. Так, Исидор Севильский (брат вынужденного спасаться бегством в Константинополь севильского епископа Леандра) не выделяет рассказ о восстании Герменегильда из описания череды военных мятежей, одним из которых оно оказывается. При этом об обращении Герменегильда-Иоанна не говорится вообще, а религиозный характер движения не акцентируется (и это при том, что сам автор был не только епископом, но и фактическим главой Церкви всей Испании!)³⁸

Но еще более показательным представляется свидетельство Иоанна Бикларского, лично пострадавшего от гонений Леовигильда. Возникновение мятежа он связывает вовсе не с притеснениями ортодоксальных христиан, а с кознями страстной арианки королевы Госвинты. Именно поэтому в целом он характеризует движение как мятеж и акт «тирании» со стороны восставших, подчеркивая, что непосредственным предлогом для его подавления стал разгром города Севильи, причем как готами, так и византийцами: лишь в ответ на это Леовигильд двинул войска против сына³⁹. Король выбил его из Севильи, тот бежал к византийцам и наконец укрылся в Кордове, где и был захвачен, после чего сослан в Валенсию⁴⁰. Через год Герменегильд был убит в Таррагоне неким Сисбертом, который, в свою очередь, был жестоко казнен уже при Реккареде⁴¹. При этом прямо о принятии Герменегильдом ортодоксии вновь не говорится ни разу: лишь последнее сообщение косвенно указывает на тот факт, что движение имело еще и некую религиозную подоплеку.

В итоге возникает впечатление, что король-арианин оказывается для испанских хронистов ближе, чем принявший ортодоксальную веру Герменегильд-Иоанн. Очевидно также, что соотечественники вовсе не желали признавать его святым. Скорее всего, его культ имеет франкское происхождение: о существовании испан-

ского жития святого применительно к VII в. ничего не известно; более того, еще и в конце IX в. «Альбельдская хроника» вообще не упоминает о нем; обращая внимание на гонения Леовигильда против ортодоксальных христиан (т. е., касаясь религиозных аспектов политики короля), хронист упоминает в числе его жертв лишь епископа Мерида Масону⁴².

Если попытаться синтезировать все эти разрозненные факты, то окажется, что, по всей видимости, жители Испании не питали иллюзий относительно мятежа Герменегильда и восприняли его прежде всего как попытку захватить власть, стоившую стране жестокой уособицы, вмешательства интервентов (франков, свевов, византийцев), человеческих жертв и разорения. И тот факт, что верхушка испано-римского населения Бетики, ставшей полем основных сражений, поддержала Герменегильда в осуществлении его честолюбивых планов, не мог изменить этого общего отношения. Более того, упоминание о Госвинте, прочность арианских убеждений которой не подлежит сомнению, в связи с возникновением мятежа как будто свидетельствует, что изначально он вообще не имел религиозной окраски и что принятие ортодоксии стало для Гермнегильда исключительно тактическим шагом.

Таким образом, говорить о «жестоком сыноубийце» нет никаких оснований.

5. Повторное крещение: правда или домысел?

Как уже отмечалось, центральное место в формировании образа Леовигильда как жестокого тирана занимают сообщения о репрессиях, предпринятых им против ортодоксальных христиан. Так, Родриго Толедский, писавший в XIII в., настаивает на том, что правитель-арианин жестко требовал от них принятия повторного крещения⁴³. При этом он несомненно следует рассказу Исидора Севильского, откуда и заимствовал соответствующие сведения (правда, опуская наиболее шокирующие подробности). Тем не менее само исидорово свидетельство не лишено одного значимого противоречия, которое заставляет усомниться в его рассказе в целом. Сообщая о том, что Леовигильд насильственно склонил к крещению «многих», он тут же отмечает, что «большинство» из вновь обращенных приняло арианство «без всякого преследования», прельстившись королевскими дарами⁴⁴. Причем в их числе был даже один епископ – Викентий Сарагосский.

Сомнения усиливаются также, если принять во внимание существенную лауну в сообщении Исидора. Сообщая об относительно недавних для него религиозных репрессиях Леовигильда, севильский епископ ни словом не обмолвился о созванном королем

в 580 г. арианском соборе в Толедо (хронист XIII в., очевидно, почерпнул соответствующую информацию из другого источника). Между тем современники (как сочувствовавшие Леовигильду, так и его враги) рассматривали этот собор как принципиально важное событие. В частности, высокую степень осведомленности о нем являет Иоанн Бикларский, которого трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к королю.

Однако последний прямо говорит о духе компромисса, свойственного соборным постановлениям. Так, ранее обязательное переkreщивание при переходе в арианство было... отменено(!). Отныне для перехода в «католическую» веру (ариане также именовали себя «католиками») оказывалось достаточно лишь рукоположения епископа, причастия и провозглашения арианского Символа веры в «Отца через Сына во Святом Духе». Причем хронист честно признает, что эта и другие предпринятые королем меры имели значимые результаты, и число обратившихся (вне зависимости от конкретных причин) было немалым⁴⁵. Стоит также добавить, что кроме этого места Иоанн ни разу не упоминает о гонениях на ортодоксальных христиан (что, разумеется, не означает, что их не было вообще).

Возникает впечатление, что образ Леовигильда как жесткого религиозного фанатика формировался вполне сознательно и что определяющую роль в этом сыграл Исидор Севильский – не только прелат и писатель, но видный политик своего времени. Именно его трудами несомненно имевшие место отдельные факты насилия на религиозной почве, отзвуки которых сохранила житийная литература, приобрели облик массовых репрессий (показательно, что и франк Псевдо-Фредегар, отнюдь не сочувствовавший Леовигильду, упоминает о репрессиях против ортодоксальных христиан лишь применительно к 579 г. т. е. к мятежу Герменегильда, при этом возлагая ответственность за них на Госвинту)⁴⁶.

Но если вестготский король не руководствовался твердолобым религиозным фанатизмом (тем более что в Испании, в отличие от вандальской Африки, традиции такового просто не существовало), то каковы тогда могли быть причины его действий? И почему понадобилось искусственно «превратить» его в фанатика?

6. Леовигильд и его «анти-Византия»

Для понимания мотивов, двигавших королем в его религиозной (и не только) политике, необходимо рассмотреть весь контекст последней. О значимости предпринятых им мер говорят, в частности, краткие указания Исидора, отнюдь не сочувствовавшего Леовигильду. Именно он упоминает о том, что король наполнил фиск,

первым облачился в королевские одежды и воссел на престол, основал город Рекополис и провел реформу законодательства⁴⁷ (впоследствии из исидоровой «Истории» эти сведения почерпнул и Родриго Толедский). Правда, у севильского епископа это сообщение теряется среди другой информации о Леовигильде. Но зато наряду с рассказами о военных победах короля оно нейтрализует общий тон повествования о «жестоком» короле.

Прежде мне уже доводилось обращать внимание⁴⁸ на тот факт, что правители романо-варварских королевств, получившие власть в результате волны военных переворотов V в., не особенно заботились о внешней легитимации этой власти. Они вполне довольствовались той реальной опорой, которую представляли собой находящиеся под их командованием варварские войска. Такая, чисто фактическая по характеру, власть до поры до времени их вполне устраивала. Однако неумолимое развитие социальных процессов, затронувших не только романское, но и существующее параллельно ему варварское общества, не могло не привести к существенным изменениям. Варварская военная верхушка, получив в свои руки власть и собственность, постепенно теряла заинтересованность в подчинении своим предводителям.

Внешним проявлением осознания ее самостоятельности стала волна мятежей военной знати. Толедское королевство вестготов не было исключением из общего правила: выше уже говорилось о том, что правлению Леовигильда предшествовала полоса жестоких усобиц. Тем не менее это королевство (по сравнению, например, со своим вечным врагом – галльскими королевствами Меровингов) стояло перед проблемой, пожалуй, не имевшей аналогов на землях бывшего западноримского мира: после 531 г. оно не имело ничего подобного роду «длинноволосых королей»: династия Балтов-Амалов пресеклась резко и окончательно. На фоне этих потрясений центральная власть в королевстве вестготов практически исчезла. Один за другим объявлявшие себя королями удачливые военачальники кончали жизнь в результате насильственной смерти. Ситуация усугублялась внешними угрозами: франки, византийцы, свевы активно вмешивались во внутренние усобицы, превратив военные действия в перманентное состояние.

Эти проблемы являлись столь глубокими, что не могли быть разрешены исключительно военным путем и репрессиями по отношению к непокорной знати. Именно поэтому Леовигильд не ограничился только этими мерами. По существу он первым не только из вестготских, но и из всех варварских королей приступил к строительству «настоящего» государства («*res publica*»), которое в современном ему мире существовало лишь в Византии.

И прежде всего изменения коснулись самого облика королевской власти, отправной моделью для реформы которой стала власть ромеев, легитимный характер которой подчеркивался сложной системой символов и ритуалов, унаследованных от позднеантичного времени и постоянно развивавшихся применительно к меняющимся условиям.

Первой из таких мер стало превращение Толедо в настоящий «Царьград» («*urbs regia*»), как писатели того времени называли Византий-Константинополь. Важнейшим «столичным» атрибутом стала постоянная королевская резиденция, не имевшая аналогов в предшествующий период. О толедском дворце Леовигильда, в частности, сообщают «Жития св. Отцов меридских». Король-арианин, судящий ортодоксального епископа Масону, восседает на престоле (*tronus*)⁴⁹, установленном в его дворце (из окон которого он смотрит на отправляемого в ссылку мученика)⁵⁰.

Начинает складываться и парадный королевский ритуал. Выше уже отмечалось, что Исидор Севильский подчеркивал: именно Леовигильд первым облекся в особые «королевские облачения» (*regali veste*)⁵¹. Как понимать исидорово «*regali veste*»? Несомненно, оно включало пурпурную мантию: именно в пурпур облачен король в «стандартном» описании, включенном в исидоровы «Этимологии»⁵², что вполне логично, ведь в Византии пурпурный цвет был абсолютной монополией императора⁵³. С большой долей вероятности можно предположить, что еще одной принадлежностью официального облачения короля, введенной в обиход уже Леовигильдом, был скипетр⁵⁴.

Вероятно, этот перечень может быть продолжен. Так, описание внешнего облика идеального правителя, содержащееся в кодексе Речесвинта (речь о котором пойдет ниже), наряду с пурпурным одеянием упоминает и диадему (корону) – “*diadema et purpuram gloriam*” (LI. I.2.6). Очевидно, речь идет о золотом венце византийского образца (такие венцы известны применительно к более позднему времени). Можно также предположить, что в число королевских регалий уже при Леовигильде вошел золотой крест: во всяком случае подобный символ известен с 20-х годов VII в. Тем более что в литургической традиции преемников Леовигильда крест имел четко выраженный военный характер, призванный подчеркнуть Божественную помощь толедским королям-полководцам⁵⁵.

Можно также отметить факт следования византийским образцам в процедуре королевского суда, описанной в том же житии. Судебное заседание, происходившее в толедском дворце Леовигильда (пусть речь идет о суде неправедном, вершимом «жесточайшим тираном»), описывается в тех же выражениях, что и его римско-

византийский прототип⁵⁶. Среди прочего упоминаются и присутствие епископов (естественно, арианских), и судей, и издание эдикта о вызове в судебное заседание, и судебное постановление короля («sententia»).

Все эти детали выглядят вполне логично, если учесть, что именно Леовигильд первым из вестготских королей выступил как кодификатор⁵⁷. Правда, сам текст составленного по его указанию кодекса не сохранился, однако К. Цеймер уверенно констатировал факт его существования⁵⁸, а Р. де Уренья-и-Сменхауд⁵⁹ попытался даже реконструировать этот «Codex revisus» на основе королевского судебника («Книги приговоров», или «Вестготской правды»), изданного Рецесвинтом ок. 654 г. и включившего более ранние законы, начиная со времен Эвриха⁶⁰. Оценивая вклад короля в историю законодательства его времени, Р. де Уренья уверенно именуется Леовигильда «монархом-реформатором»⁶¹.

При всей очевидной важности самого акта кодификации нельзя недооценивать и его символического значения. Младший современник Юстиниана I, вестготский король несомненно ассоциировал себя с ним, выступая в качестве правителя-законодателя. Аналогичным образом следует рассматривать и наполнение Леовигильдом королевского фиска и казны городов, которое было не только прагматической, но и символической мерой, значимость которой был вынужден признать даже Исидор Севильский⁶².

Однако еще более важной представляется другая императорская ипостась, также воспринятая Леовигильдом. Речь идет о роли принцепса в религиозных делах. О символическом значении этой функции говорит уже сам факт помещения главы о Юстиниане в сочинение Исидора Севильского «О знаменитых мужах», где император фигурирует в числе выдающихся церковных писателей своего времени. Показательно, что эта маленькая главка, посвященная императору, – единственное, что специально написано о нем во всем обширном корпусе сочинений Исидора, без всякого пиетета относившегося к Константинополю. Видимо, игнорировать этот аспект севильский прелат *ортодоксальной Церкви* позволить себе не мог⁶³.

Однако для Леовигильда церковные дела имели явно не меньшее значение, чем для Юстиниана. Противопоставление себя Восточной империи, экспансия которой развивалась под религиозными лозунгами, требовало адекватного ответа на обвинения в ереси. После уничтожения королевств вандалов и вестготов, Толедское королевство естественным образом воспринимало себя как главный центр арианства в пределах всего бывшего римского мира. И эта четко выраженная религиозная идентичность естественным

образом сочеталась с идентичностью политической – последовательным противопоставлением себя как ортодоксам-византийцам, так и ортодоксам-франкам.

Определенное значение имел также и свевский фактор: ведь начиная с 60-х годов VI в. свевы также приняли ортодоксальное христианство. Не являясь серьезным военным противником, они тем не менее представляли собой своеобразную «пятую колонну» в тылу Леовигильда, роль которой четко проявилась в ходе мятежа Герменегильда. Кроме того, акцентирование религиозных различий могло служить и обоснованием захватнических планов вестготского короля, которые были реализованы около 585 г.⁶⁴

С учетом этого становится понятным, почему Леовигильд резко изменил политике веротерпимости, которой придерживались его предшественники. Принимая во внимание все сказанное об избранных им мерах, целью короля могла быть лишь интеграция христиан его королевства на основе единого (в данном случае – арианского) толка. Учитывая роль соборного начала для христианской Церкви, он, опять же подобно как позднеримским, так и византийским императорам, созывавшим вселенские соборы для обнаружения единой позиции по ключевым религиозным проблемам, в 580 г. созвал Толедский собор – арианскую анти-Никею.

* * *

Таким образом, восседающий на престоле в своей столице, в своем дворце победоносный арианский король Леовигильд, окруженный придворными, издающий законы, вершащий суд, созывающий всеиспанский церковный собор, должен был восприниматься современниками как прямой антипод византийского императора, как глава западной арианской «анти-Византии». Вне всякого сомнения, этот облик должен был обладать существенной привлекательностью не только для готов, но и для значительной части испано-римлян, не только для ариан, но и для части христиан-ортодоксов, служивших ему верой и правдой.

Именно Леовигильду Толедское королевство было обязано своим спасением от казалось бы неминуемой гибели вследствие как внутренних усобиц, так и действий могущественных и амбициозных врагов. Более того, именно он, по существу, и создал это королевство, придав рыхлому административно-политическому устройству одного из бывших диоцезов Западной империи характер настоящего государства. И это наследие вестготского короля воплотилось в пышных королевских ритуалах, общегосударственных церковных соборах и масштабной законодательной деятельности его преемников, развивших и дополнивших начатое Леовигильдом.

Однако в полной мере леовигильдово наследие все же не могло сохраниться: идея религиозной унификации королевства на основе христианства арианского толка, по всей видимости, могла быть реализована лишь при жизни короля. Свидетельством мощи позиций ортодоксального епископата стали события 579–584 гг. – «обычного» мятежа, быстро переросшего в пятилетнюю кровавую смуту. В полной мере они явили ограниченность арианской «анти-Византии», созданной Леовигильдом на Пиренейском полуострове. И сразу после смерти отца его сын и сподвижник Реккаред отказался от попыток дальнейшего внедрения арианства и принял Никейский символ. В 589 г. ортодоксальный III Толедский собор запретил исповедание арианского толка.

В полной мере этот шаг был, естественно, оценен прежде всего ортодоксальным епископатом – главным хранителем исторической памяти. Исидор⁶⁵, Иоанн Бикларский⁶⁶ и анонимные «Жития святых Отцов меридских»⁶⁷ наперебой дают восторженные оценки личности Реккареда Католика. На фоне всего сказанного выше представляется очевидным, что пышные эпитеты, адресованные первому королю-ортодоксу, чьи заслуги ограничились лишь созывом III Толедского собора, объясняются не только колоссальным значением последнего для христианского клира, но и сознательным стремлением заслонить образом «мягкосердечного» («*clemens*») сына обаяние «жестокотого тирана» отца. При этом умозрительность заслуг Реккареда (за исключением, разумеется, его церковной реформы) обильно компенсируется пространностью риторических упражнений. «*Provincias autem, quas pater proelio conquisivit, iste race conservavit*», замечает Исидор⁶⁸. Что ж, отсутствие военных побед можно назвать и сознательным миротворчеством...

Эта очевидная «приглаженность» сообщений испанских хронистов рубежа VI–VII вв. о Реккареде явно диссонирует с неоднородностью их же рассказов о Леовигильде. Кому как не им, носителям живой памяти, было ведомо, насколько сын уступал отцу?! Что же касается Родриго Толедского, жившего в XIII в., то он уже не считал нужным разбираться в сложности перипетий прошлого. В конечном итоге человек эпохи, в которую, по мнению К. Байнума и Ж. Ле Гоффа, начали формироваться основы европейского индивидуализма, создал предельно деиндивидуализированный исторический портрет, заменив живую «кровотокающую» историю «поучительным» рассказом о раскаявшемся короле-грешнике...

- 1 «Карающим мечом Леовигильда». См.: Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani. XXVI.33
- 2 Русский перевод см.: *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001.
- 3 Там же. С. 380.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 387. См. также: *Vynum C.* Did the Twelfth Century discover the Individual? // *Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages.* Berkeley, 1982. P. 82–109.
- 6 Об основных этапах истории вестготского королевства см.: *Клауде Д.* История вестготов. СПб., 2002; *Orlandis Rovira J.* Época visigoda. Madrid, 1987; *D'Abadal i de Vinyals R.* Del reino de Tolosa al reino de Toledo. Madrid, 1960; *Rouche M.* Le royaume Wisigothique de Toulouse et d'Espagne // *De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII.* III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 281–290; *García Moreno L.A.* História de España visigoda. Madrid, 1989.
- 7 Iord. Get. 302.
- 8 См., например: *Chronicae que dicuntur Fredegarii scholastici Libri IV* / Ed. B. Kursch. III. 42. // *MGH: SRM.* T. 2. Hannoverae, 1888 (далее – Fredeg.): «Gothi vero iam olim habent vicium, cum rex eis non placeat, ab ipsis interficetur».
- 9 Roderici Ximenii de Rada. *Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / Cura et studio Juan Fernández Valverde* // *Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis.* Vol. LXXII. Turnholti, 1987 (далее – Rod. Hist.). III.14.
- 10 Ibid.
- 11 См., например: *Primera cronica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289* / Publ. por R. Menendez Pidal. Vol. 1. Madrid, 1955. Passim.
- 12 Rod. Hist. III.14.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid.
- 15 Ibid.
- 16 В частности, Р. Хименес де Рада сообщает лишь о первом браке короля, ничего не сообщая о втором, с Госвинтой, вдовой его брата Лиувы, которому другие источники придают большое значение с учетом роли этой королевы в религиозной и государственной политике (см., например: *Greg. Turon. Hist.* IV. 38).
- 17 *Isidorus Hispalensis.* *Historia gothorum, wandalorum svevorumque* // *MGH: Chronica minora.* Vol. 2. Berlin, 1961 (далее – Isid. Hist.). 48–52.
- 18 *Greg. Turon. Hist.* VIII.46; V.43.
- 19 *Sancti Gregorii Magni Dialogi.* III. 31 (см.: *PL.* T. 77. P., 1850. Col. 292).
- 20 *Continuatio Hispana a. DCCLIV* // *MGH: AA: Chronica minora* / Ed. T. Mommsen. Vol. 2. Berolini, 1994. 67.
- 21 Общие сведения об испанской хронистике вестготского времени см., например: *Hillgarth J.N.* *Historiography in Visigothic Spain* // *Settimane di studio del*

- centro italiano sull'Alto Medioevo. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 261–312.
- 22 Об этом хронисте, жившем на рубеже VI–VII вв., подробнее см.: Juan de Biclaro, obispo de Gerona: Su vida y su obra / Introd., texto crit., com. por J. Campos. Madrid, 1960. Текст хроники Иоанна (далее – Ioh. Bicl. Chron.) приводится по этому изданию.
- 23 См.: Greg. Turon. Hist. IV. 38; V. 38; V. 43; VI. 18; VI. 29; VI. 33–34; VI. 40; VI. 43; VIII. 28; VIII. 30; VIII. 35; VIII. 46; IX. 1; IX. 24.
- 24 Vitas sanctorum partum Emeritensium // Corpus Christianorum. Series Latina. Vol. 116 / Ed. A. Maya-Sánchez. Turnholti, 1992 (далее – VPE). V.4.1: «seuissimi atque crudelissimi»; V.4.8: «atrocissimum tyrannum»; V.8.3: «impio Leovigildo tiranno»; V. 8. 6: «insanissimus rex».
- 25 Ibid. V. 9.2.
- 26 Ibid. V. 4, 6, 8, 9.
- 27 Ibid. III. 1. 9.
- 28 Ibid. III. 1. 13–15.
- 29 Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. crit. por L. Vazquez de Parga. Madrid, 1943. XXVI. 33.
- 30 Isid. Hist. Goth. 50. Cfr.: Fredeg. III. 82.
- 31 Ее имя упоминается лишь в поздних текстах. См.: Rod. Hist. III. 14. См. также выше прим. 17.
- 32 Ioh. Bicl. Chron. [a. 573].
- 33 Greg. Turon. V. 38.
- 34 Ioh. Bicl. Chron. [a. 589].
- 35 Ibid. [a. 572].
- 36 Greg. Turon. V. 38; VI. 18, 29, 33; VIII. 30, 35.
- 37 Fredeg. III. 82–83.
- 38 Isid. Hisp. Hist. Goth. 49.
- 39 Ioh. Bicl. Chron. [579]; [a. 582].
- 40 Ibid. [a. 584].
- 41 Ibid. [a. 585], [a. 587].
- 42 Chronicon Albeldensis. 19 // Bonnaz Y. Chroniques asturiennes (fin IXe siècle). P., 1987 (далее – Chron. Alb.). Общие сведения о хронике см.: *Díaz y Díaz M.* La Historiografía hispana desde la invasión árabe hasta el año 1000 // Settimane di studi del centro italiano sull'Alto Medioevo. XVII (primo): La Storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. P. 313–343.
- 43 Rod. Hist. III. 14.
- 44 Isis. Hist. Got. 50.
- 45 Ioh. Bicl. Chron. [a. 580].
- 46 Fredeg. III. 82–83.
- 47 Isid. Hist. Goth. 51.
- 48 См., например: *Ауров О.В.* Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Вып. 31. С. 73–103.

- 49 Vitas sanctorum patrum emeretensium. V.6.22 // VPE. Vol. 116. Brepols, 1992.
- 50 Ibid. V. 6. 25.
- 51 Isid. Hist. Goth. 51.
- 52 Isid. Etym.VII. 2. 2.
- 53 См., например: СТ. I. 23. 6рг.
- 54 Это так, если воспринимать буквально выражение «принял скипетры» для обозначения вступления на престол, используемое уже Иоанном Бикларским (см., например: Ioh. Bicl. Chron. [a.586]). Показательно, что ранее Иоанн его не употреблял; в дальнейшем же (также как и у Исидора) оно становится обычным.
- 55 См., например, описание ритуалов торжественных проводов короля в поход и его встречи из похода в: Liber Ordinum en usage dans l'Église wisigothique et mozarabe d'Espagne / Ed. M. Férotin. P., 1904. Col. 149–153: XLVIII; Col. 154–155: XLVIII.
- 56 VPE. V. 5. 13, V. 6. 24.
- 57 Isid. Hisp. Hist. Goth. 51; Chron. Alb. 19.
- 58 Zeumer K. Historia de la legislación visigoda. Barcelona, 1944. P. 74–79.
- 59 Ureña y Smenjaud R. La legislación gótico-hispana (Leges antiquiores – Liber Iudiciorum). Madrid, 1905. P. 327–371.
- 60 Наиболее распространенное издание судебника подготовлено К. Цеймером. См.: Leges Visigothorum // MGH: Legum sectio, 1. Berolini, 1902. Цеймер назвал свое издание «Вестготской правдой» («Lex Visigothorum»), хотя в рукописях судебник именуется «Liber iudiciorum», реже (в порядке убывания) – «Liber Iudicum», «Liber de iudiciis» и «Forum Iudicum». Соответственно, наиболее предпочтительным является оригинальное название «Liber iudiciorum» (далее – LI).
- 61 Ibid. P. 421.
- 62 Isid. Hisp. Hist. Goth. 51.
- 63 Isidori Hispalensis De viris illustribus. XXXI // PL. T. 83. P., 1850.
- 64 О Свевском королевстве см., например: *Клауде Д.* Указ. соч. С. 213–224; *Reinhart W.* Historia general del reino hispánico de los suevos. Madrid, 1952.
- 65 Isid. Hist. Got. 52–57.
- 66 Ioh. Bicl. Chron. [a. 587], [a. 590].
- 67 VPE. V. 12. 3–5.
- 68 Isid. Hist. Goth. 55.

O.V. Aurov

«GLADIO VINDICE LEUUIGILDI»:
THE GREAT KING IN THE CONTEXT OF MEMORY

The article is dedicated to the problem of the reconstruction of the biography of the early medieval king Leovigild (568–586), who was a governor of the Visigothic Kingdom of Toledo. His image was transformed by the centuries of the historical memory: in the Hispanic chronicles of the 7th–13th cen. we see the different interpretations of it. Leovigild's contemporaries (Isidor of Seville, Gregry of Tours, Pseudo-Fredeggar and others) appreciated negatively the religious policy of the arian King. But if we compare their stories, we see that really Leovigild was not a kind of religious fanatic, and that the perception of he like the last was made by the Christian Hispanic clergy, which became a mane guardian of the historical memory in the Early Middle Ages. The concrete facts of king's biography shows us the great politician, whose deals were artificially connected in the medieval written histories with the name of Reccared the Catholic, who his son and successor.

Keywords: kingdom of Toledo, Leovigild, Arian Christianity, Orthodox Christianity, Goths, Francs, anti-Byzantium.

M.S. Petrova

DIFFERENT WAYS TO READ
AND INTERPRET EINGARD'S LETTERS
(A GUIDE)

The article discusses an episode in the court life of Einhard (c. 770–840) connected with his refusal to obey an order of the Empress Judith (d. 843) during the dynastic turmoil of the 830s. The episode is reconstructed from Einhard's letters to the Empress, to the Emperor Louis the Pious and other persons of the royal milieu. The author analyses the political situation of the 830s, the translation of the relics of SS. Marcellinus and Peter from Rome to Francia described by Einhard, as well as other chronographic, legal and narrative sources. Through comparison of various pieces of evidence not only Einhard's actions, but also his motives are reconstructed.

Keywords: letters, written source, text, historical situation, interpretation, reconstruction.